

Б. В. Болдырев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Связанные отглагольные имена существительные
в тунгусо-маньчжурских языках:
имя цели**

Рассматривается один из достаточно актуальных вопросов, связанных с квалификацией так называемых самостоятельных глагольных частей речи или грамматических разрядов глагола, которые на основании присущих им грамматических категорий, в частности категории личного и возвратного притяжания, могут быть отнесены только к грамматическому классу имени существительного. Выступая в предложении в синтаксической функции развернутых обстоятельств условия, цели, причины и пр., традиционно они переводились на русский язык как придаточные предложения соответствующего разряда. Именно это и определило на долгие годы их включение в класс «особых глагольных форм», тогда как в действительности это отглагольные имена существительные особой, ныне утраченной большинством языков, парадигмы склонения.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, притяжательность, притяжательная конструкция, суффикс, общекатегориальное значение, синтаксическая функция.

Притяжательность, являющаяся одной из важнейших грамматических категорий слов класса имен существительных и проявляющаяся в способности этих слов принимать притяжательную форму и вступать в состав притяжательных словосочетаний в роли определяемого, свойственна не только разряду собственно имен существительных, но и некоторым другим их разрядам: причастным существительным, связанным отглагольным именам и др. Из служебных слов этой категорией обладают послелогии, у которых она имеет несколько своеобразный характер, поскольку послелогии, по существу, перешли в разряд служебных морфем, служащих для выражения падежных отношений между именем существительным и словом, обозначающим действие, – глаголом, причастием, деепричастием, отглагольным наречием, реже – отглагольным существительным.

Под отглагольным существительным понимается всякое имя существительное, образованное от глагольной основы через присоединение к ней словообразова-

Болдырев Борис Васильевич – доктор филологических наук, заведующий Сектором тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; sektor-tungusov@mail.ru)

тельных суффиксов, которому присущи грамматические категории имени существительного: число и падеж, а также прямая и косвенная принадлежность. Причастные существительные – это конверсивы или субстантивированные причастия, иначе говоря, – те разряды слов, которые традиционно относятся к причастиям как особым формам глагола, обладающие также всеми категориальными характеристиками имени существительного.

К числу связанных отглагольных имен мы относим те разряды слов класса имен существительных, которые специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам традиционно относят или к числу «самостоятельных глагольных частей речи», или к числу «грамматических разрядов глагола», например формы цели, причины, условия и др. Между тем общекатегориальное значение связанных отглагольных имен, складывающееся из учета их лексического значения, частнограмматических категорий и синтаксических функций, не дает оснований для отнесения их ни к глагольным частям речи, которые представлены лишь собственно глаголом, ни к разрядам последнего, которыми считаются так называемые притяжательные деепричастия, иногда еще именуемые именными формами глагола или даже относимые к числу глагольных наклонений.

Общegramматическим значением связанных отглагольных имен существительных является «предметность». Слова этого разряда имен существительных субстантивно обозначают второстепенное, добавочное действие или процесс, которые тем или иным образом сопряжены, соотнесены с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым. Связанным отглагольным именам существительным сопутствует частнограмматическая категория принадлежности, которая проявляется в том, что такие имена всегда оформлены лично- или возвратно-притяжательным суффиксом, отражающим лицо-число притяжательного субъекта действия. В составе притяжательной конструкции связанное отглагольное имя существительное всегда выполняет функцию определяемого. Первым членом притяжательной конструкции со связанным именем существительным может быть притяжательное местоимение (форма которого в одних языках или их диалектах может совпадать с формой личных местоимений, в других – оно выступает в особой притяжательной форме) или существительное, которые, как им и положено, всегда имеют притяжательное значение. Связанные имена образуются от глагольных основ, как непроизводных, так и любой степени производности, с помощью особых суффиксов, как правило, моносемантических, но этимологически составных, поэтому правильнее было бы называть такие суффиксы внутренней флексией.

С собственно существительными связанные имена объединяет то, что, обладая, как и причастные существительные, категориальным значением «предметность», они обозначают субстантивное действие и им сопутствует частнограмматическая категория принадлежности. Но, в отличие от прочих разрядов имен существительных, в том числе и от причастных, связанные имена в составе предложения выступают исключительно в роли обстоятельств, отличаясь тем самым от прочих разрядов существительных, способных быть в предложении еще и подлежащим или дополнением. Значительное сходство связанные имена имеют с субстантивными причастиями: как и причастия, они способны управлять падежными формами зависимых от них существительных; к ним примыкают наречия, выполняющие функцию определения субстантивно выраженного действия. От собственно глагола связанные имена отличаются тем, что им не свойственна функция сказуемого, а следовательно – они не могут быть вторым членом предикативного словосочетания. Не обладают они частнограмматической категорией глагола – категорией лица-числа, т. е. они не спрягаются.

Каждый разряд связанных отглагольных имен существительных субстантивно обозначает действие, момент совершения которого определенным образом соот-

носится с моментом совершения действия, выраженного глагольным сказуемым: оно или предшествует ему, или совпадает с ним, или же следует за ним. Отглагольные имена не изменяются по временам, так как не обладают лексико-грамматической категорией времени. Для них характерна другая грамматическая категория – относительное время, условная временная соотносительность с подчиняющими их глагольными словами, что совпадает с относительным временем субстантивных причастий. Категория притяжательности для связанных имен имеет обязательное формальное выражение. Отглагольные связанные имена, исключая условно-временные, могут быть как возвратными, так и личными, поскольку они далеко не всегда обязательно связаны с грамматическим субъектом действия. Притяжательные субъекты обозначаемых ими лиц субстантивно выраженных действий могут совпадать с грамматическими субъектами глагольных действий, но могут и не совпадать, что бывает достаточно часто. Поскольку обозначаемые этой группой имен субстантивные действия могут быть связаны с любым притяжательно выраженным лицом, а не только с производящим главное действие, в них заложены противостоящие друг другу грамматические категории притяжательности – личной и возвратной, проявляющиеся в обязательном оформлении притяжательными суффиксами, отражающими лицо-число или только число притяжательного субъекта субстантивного действия.

Большая часть связанных имен генетически связаны с падежными формами причастий или отглагольных существительных, причем некоторые из них в какой-то мере сохраняют эти связи, тогда как другие их утратили.

Некоторые связанные имена возникли в результате присоединения к глагольной основе флексий, которые явились результатом переразложения некогда самостоятельных морфем, сущность этого процесса состоит в смещении морфемных границ в слове, вследствие чего возникли новые (вторичные) основообразующие суффиксы, некоторые из которых утратили прямую морфолого-этимологическую связь с первичными суффиксальными показателями. Такими суффиксами в составе связанных имен, на наш взгляд, могли быть суффиксы конкретных причастий или отглагольных существительных и падежные показатели. При этом процесс переразложения и формирования флексий проходит в каждом языке спонтанно и поэтому может быть выявлен лишь способом реконструкции предполагаемой модели, которая должна быть адекватной моделям аналогичных форм, сохранившимся в языке до настоящего времени.

К числу связанных отглагольных имен мы относим также и те, формальные показатели которых переразложению не подверглись, но их исходные причастные формы стали в современном языке или малопродуктивными, или вообще непродуктивными, употребляющимися лишь в какой-либо одной падежной форме.

Связанные отглагольные существительные не склоняются потому, что их переразложившиеся суффиксальные морфемы, превратившиеся в современном языке во внутреннюю флексию, содержат в себе показатель того или иного косвенного падежа. Это обстоятельство и является причиной того, что они не способны выступать в функции подлежащего. В тунгусо-маньчжурских языках выделяется около десяти разрядов связанных имен существительных, в данной статье предполагается рассмотреть имя существительное цели.

Отглагольное связанное имя цели представляет собой отглагольное существительное, назначение которого состоит в том, чтобы обозначать субстантивное действие, придающее обороту, в котором оно употреблено, значение цели. При этом, по справедливому наблюдению В. А. Аврорина, «добавочное действие, являющееся целью главного, по отношению к нему не может быть не только окончанным, но и начатым, так как в противном случае оно перестало бы быть целью этого главного действия. Момент речи в данном случае также никакого значения не имеет: уже окончившееся, длящееся и еще не начавшееся к моменту речи дей-

ствия в равной мере могут иметь своей целью осуществление каких-то других действий, которые, независимо от того, осуществились ли они фактически к моменту речи, осуществляются или будут осуществляться, сохраняют одинаковое целевое отношение к главным действиям. Поэтому целевое деепричастие не обладает грамматической категорией времени» [Аврорин, 1961, с. 166]. Не обладают «целевые деепричастия» этой категорией, главным образом, потому, что являются одним из разрядов слов, относящихся к классу имен существительных, которым эта категория не свойственна.

Связь слов, обозначающих главное и добавочное действия, с названиями их субъектов грамматически выражается в тунгусо-маньчжурских языках с помощью системы личных и притяжательных суффиксов: главное действие находит свое выражение в составе предикативного словосочетания с подлежащим в форме именительного падежа и сказуемым, оформленным личным глагольным суффиксом, отражающим лицо-число субъекта действия; дополнительное действие находит свое выражение в составе притяжательного словосочетания, первый член которого выражен притяжательным существительным или местоимением, которые по форме могут совпадать с соответствующими существительными или местоимениями в именительном падеже, а второй их член выражен притяжательно-оформленным отглагольным существительным, притяжательный суффикс которого отражает лицо-число притяжательного субъекта субстантивно выраженного действия. Грамматическая категория притяжания необходима для связанного отглагольного имени цели, так как через ее посредство выявляются отношения между добавочным субстантивным действием, являющимся целью главного, и притяжательным субъектом этого целевого действия.

Поскольку целевое действие может быть как односубъектным, так и разносубъектным с главным действием, постольку категория притяжания у него может носить как характер возвратного притяжания, различающегося по числам, так и личного притяжания, различающегося по лицам и числам.

Образуется отглагольное имя цели во всех тунгусо-маньчжурских языках по стандартной схеме, в которой варьируются только суффиксальные показатели: *глагольная основа + суффикс -дā ~ -тā* (эвенк., эвенск., нег.); *ульч. -бда; орок. -будду, нан. -го/-гу ~ -пого/-пугу; ороч. -ла ~ -на, -лака; уд. -лага ~ -лā ~ -лб + лично- или возвратно-притяжательный суффикс*. Например:

эвенк.: си минду дариски одав букэл? разрешите мне отойти (букв.: разреши мне для отхода меня)?; минду адав букэл дай мне поспать (букв.: дай сон для меня); анцэттав ивкэл! пусти меня переночевать (букв.: пусти меня для переночевки)!; девдэв биси! есть чем мне поживиться (букв.: есть пища для меня)!; сили амуттула девнэдэви дэрилчэн аист полетел на озеро, чтобы завтракать (букв.: ...полетел для своей еды...); минду ирги гудей бидэн хвост у меня для красоты (букв.: ...для наличия красоты); би гадас разрешениевэ будем я разрешаю тебе взять (букв.: я даю разрешение для твоего взятия); иргис синду гудей бидэн бисин хвост у тебя для красоты (букв.: ...для наличия красоты); анцэттав дюлав этэрэ иврэ меня не пустят домой ночевать (букв.: ...не пустят для моей ночевки); мунэ ичэттэви дэгдэви прилетай нас навестить (букв.: ...для своего свидания);

эвенск.: эн'му муну тйнин һупкутнэдэку моя мама отпустила меня, чтобы я пошла учиться (букв.: ...отпустила в поездку для моей учебы); нёкичэм эвуски дэуэлукэли пэктьрэндэку утқу сюда подними для моего выстрела; мин жавдаку ноңн бърин он дал мне схватиться (букв.: он дал мне возможность для моего хватания); би һупкуттэј ајаврѣм я хочу учиться (букв.: я для себя учебы хочу); амбърдүли жэбьдэку гэлэтли! по амбарам еду для меня пощи! [Новикова, 1980, с. 99]; энъму мину дāнтадув ора́м көсчидэку ббн мать отдала меня моему дяде, чтобы я пас оленей (букв.: ...отдала для пастьбы мною оленей) [Роббек, 1992,

с. 150]; **миалдах һөрүттүм я бужу, чтобы ты проснулся** (букв.: ...для твоего вставания) [Лебедев, 1978, с. 95];

нег.: хутэйи бүкэл минду ʒэбдэв отдавай мне на съедение своего ребенка; эдйв вачанин бэйун силэхкбнман силудас гуннбчав я пришла пригласить тебя похлебать похлебочку из мяса зверей, которых убил мой муж (букв.: ...для хлебания твоей похлебки...); **нэхум синэвэ гэнэдас сүллэс, онталлас, хэйкйллэс бүзэн** моя младшая сестра снабдит тебя курткой, унтами и штанами для твоего дальнейшего следования; **асалнин ʒэбдән бүйен жены дали ему еду; эй би ни ʒэбдән октам?** для чьего же пропитания я это создал? [Цинциус, 1982; Хасанова, 2003];

ороч.: таңйламу даңсава бүхэни он дал мне почитать книгу (букв.: ...для моего чтения); **ʒэулэм бүүэ! дай мне еды!**; **би н'ауки йгилэму сиктиму ʒавауа** чтобы я вошла первой, держись за мою поясную сумку (букв.: для моего вторжения первой...); **сй ʒэулэси ваҗанаи бэјумэ** для твоего пропитания я добуду лося; **сиңэ эгди инэктэ хитэји ʒэулэн'и гайхан'и мышшь принесла своему детенышу много ягод** (букв.: ...своему детенышу для его пропитания...) [Аврорин, Болдырев, 2001, с. 210–212].

уд.: эхэ, си би дигалаи имова олоктойо! сестра, приготовь мне для еды са-ло!; **н'аңга экэйэ, тухидиүи н'улэи приостановись, чтобы я сошла с нарты** (букв.: ...для моего схода с нарты); **би согдиэи силосилэи тбва илайа разведи костер, чтобы мне свою спину погреть** (букв.: ...для согревания мною своей спины); **би дигилаи си лалава олоктойо приготовь мне для еды кашу; тбва илауҗана би акаи силосилэи надо развести костер, чтобы мне свою спину погреть** (букв.: ...для моего согревания своей спины) [Фольклор удэгейцев, 1998; Симонов, Кялундзюга, 1998; 1999];

орок.: гэсэ-гэсэ ил'л'усеү унэчими андубуддөвве станьте рядом, чтобы я измерил (букв.: ...для моего измерения); **су митгэј хасабуддөвве сэгзэ гассэ бүрусу** дайте мне летучую птицу, чтобы я догнал (букв.: ...для моего настигания); **саври ојукамбани саврисари алукулба силтубуддүви настрогай черемуховых стружек, чтобы я вымыла посуду** (букв.: ...для моего мытья посуды); **иргэни иваччини мапа уңгибуддүни невестка развела огонь, чтобы старик погрелся** (букв.: ...для согревания старика); **нбни энини геда оксо циндани уҗихэни пут-тэби пулибуддбни его мать держала одну собачью упряжку для езды своего сына** [Озолиня, 2001];

ульч.: эй мин хавандуи хасал балдум-да айа, муручин: дэгдэм бусэбдэи было бы хорошо, если бы у меня под мышками крылья выросли, чтобы я попробовала лететь (букв.: ...для моей пробы лететь); **мапангуй бучин хамилани хасу ʒалам ʒалачум бибдэи мэп оҗочилам-ка?** после смерти моего мужа, сколько веков, чтобы жить, я себя беречь буду (букв.: ...сколько веков для своей жизни я буду себя беречь?); **син ʒэбдэс мэп син тойтис прахамби я привел себя тебе на съедение к твоему причалу; син мэп ʒэбдэс эси-лэ амба дән очимби я стал теперь совсем большим для твоего съедения; ʒэбдэс олбиндин я несу тебе поесть; би синду меотимба гадиламби син бэйчубдэси я дам тебе ружья для твоей охоты; ʒуэл асини ʒэбдэри дэнсирэҗихэти две его жены пищу для себя готовили; кэси гэлэхэти ти дүсэ оркизи эндэ табдани молись, чтобы тигр им не навредил** (букв.: молились для непричинения вреда) [Петрова, 1936; Суник, 1985; Аврорин, 1981, с. 129–164];

нан.: ама дуэнтэдиэди ми удигуивэ дүэр нучи орокамба гадэхани отец принес из тайги двух маленьких медвежат, чтобы я выкармливал (букв.: ...для моего выкармливания); **минду снагоива буру дай мне поесть** (букв.: дай еду для меня); **ми дебдуивэ эпэмбэ буру дай мне в пищу лепешку; хай эйнивэ минду аогоива бурэсини?** что мне сегодня спать не дает (букв.: что мне для

моего сна не дает)?; **миочамби минду эм модан миочалагоива буру дай мне разок выстрелить из своего ружья** (букв.: ...дай мне для моего выстрела...); **ми эйду бигуй тамби я здесь останусь жить** (букв.: ...я здесь организую для себя жизнь) [Нанайский фольклор, 1996; Аврорин, 1961, с. 166–172; 1948, с. 204–206; Оненко, 1980].

Как видим, связанные отглагольные имена цели выступают в предложении в синтаксической функции обстоятельства цели, что стало основанием для высказывания предположения о том, что этот разряд слов «представляет собой форму назначительного падежа личного причастия» [Аврорин, 1961, с. 169]. Но сопоставить связанное отглагольное имя цели с падежными формами каких-либо причастий в настоящее время не представляется возможным. И прежде всего потому, что формальный показатель отглагольных существительных цели, по существу, является ныне флексией, совмещающей в своей форме несколько когда-то самостоятельных морфем, одна из которых принимала участие в формировании лексического значения основы, обозначающей субстантивное действие, мотивированное глагольной основой, тогда как другая морфема являлась, по всей видимости, показателем назначительного падежа.

Поскольку связанное отглагольное имя цели отличается от падежных форм причастий притяжательного склонения отсутствием у него показателя разряда, без которого ни одно причастное существительное образовано быть не может, постольку можно предположить, что отглагольное имя цели связано своим происхождением не с причастиями, а с особым разрядом отглагольных существительных, формальный показатель которых слился с показателем назначительного падежа. Кстати, подобный разряд существительных сохранился в эвенкийском языке: это имена существительные с суффиксом **-вун** в форме назначительного падежа, суффиксальным показателем которого является **-а** (**-э**, **-о**), они обозначают действие, которое составляет цель другого действия, например: **нуцартын бэюктэвкил уливунэвэр они охотятся для своего прокорма; би будем синду котови токтовунас марилва я дам тебе пальму, чтобы ты вырубил марниковую поросль** (букв.: для твоей вырубки поросли); и др.

Исходя из вышеизложенного можно предполагать, что показатель отглагольного имени цели в тунгусо-маньчжурских языках восходит к флексии, возникшей в результате фузионного слияния суффикса отглагольного имени ***-вун** и показателя назначительного падежа ***-ја ~ -на ~ -ла**, сформировав особый разряд имен существительных цели, функционирующих только в составе лично- или возвратно-притяжательной конструкции, выступающей в составе предложения в роли обстоятельства цели.

Список литературы

- Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948. 259 с.
Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. II, М.; Л., 1961. 294 с.
Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981. 198 с.
Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск, 2001. 400 с.
Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978. 208 с.
Нанайский фольклор: нингман, сioxор, тэлунгу. Новосибирск, 1996. 480 с.
Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 2. Л., 1980. 244 с.
Озолия Л. В. Орокско-русский словарь. Новосибирск, 2001. 422 с.
Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980. 552 с.
Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936. 156 с.

- Роббек В. А.* Грамматические категории эвенского глагола. СПб., 1992. 166 с.
- Симонов М. Д., Кялундзюга В. Т.* Словарь удэгейского языка: удэгейско-русско-удэгейский (Препринт). Издан А. Ф. Маевичем. Стеншев, 1998. Т. 1. 426 с. Т. 2. С. 427–938; Т. 3, 1999. С. 939–1287.
- Суник О. П.* Ульчский язык. Исследования и материалы. Л., 1985. 264 с.
- Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ. Новосибирск, 1998. 561 с.
- Хасанова М. М.* Негидальский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энцикл. Кн. 2. М., 2003. С. 340–350.
- Цинциус В. И.* Негидальский язык. Исследования и материалы. Л., 1982. 312 с.

Список сокращений

Нан. – нанайский язык, *нег.* – негидальский язык, *орок.* – орокский язык, *ороч.* – ороцкий язык, *уд.* – удэгейский язык, *ульч.* – ульчский язык, *эвенк.* – эвенкийский язык, *эвенск.* – эвенский язык.

V. V. Boldyrev

Bound deverbative nouns in the Tungusic languages: noun of purpose

The paper deals with one of the topical issues concerning the qualification of the so called «independent verbal parts of speech» or «grammatical groups of the verb» which based on their inherent grammatical categories, the category of the personal and reflexive possession in particular, may be referred to the grammatical class of the noun. Being used in the sentence in the function of extended adverbial modifiers of condition, purpose, cause etc., they were traditionally translated into Russian as subordinate clauses of the corresponding group. It is this fact that led to their inclusion into the class of «specific verbal forms» while, in fact, these are deverbative nouns of the specific declension paradigm lost by the majority of languages.

Keywords: Tungusic languages, possession, morphemes, suffix, general category meaning, syntactic function.

DOI 10.17223/18137083/53/24